

ЗАРЯ

Рассказ

По вечерам становилось так холодно, что начинали зябнуть руки. Холод сгушался медленно, постепенно, и похоже было на то, что между людьми и предметами вырастает невидимая стена. Молодые лозинки под окном, камень у ворот, железный петушок на трубе вдруг принимали отчужденный, скрытный вид и, казалось, начинали жить сами по себе. Все предметы, отгороженные стеклянной стеной холода, только теперь находили свои настоящие краски, формы, очертания. Ярко и глянцевиато, точно вырезанные из зеленой жести, поблескивали мелкие листики лозин — они праздновали свой юношеский, непорочный праздник; изумрудно сверкала ползущая отовсюду молодая травка, упругие лопухи и крапива. Даже крыши, побуревшие от времени, в эти холодные вечерние часы начинали светиться непривычным молодым блеском. А позднее, когда уже был виден пар от дыхания, по небу, заняв три четверти горизонта, разливалась могучая пламенная заря. Она горела, но не сторала, лишь становилась все строже, и в ее широком победном зареве также было что-то свое, холодное и

отчужденное. При заре начинали петь соловьи. Их было много, но ни одна трель, ни один посвист не терялись в общем хоре — все звучало само по себе, сильное и чистое, и было похоже на то, что по багряному полотну непрерывно катятся пригоршни разноцветных небьющихся стеклышек. И чем сильнее становился холод, тем больше старались соловьи. Они самозабвенно пели этот чуждый людям праздник лозинок, крыш, остывшей мостовой — праздник холодного майского вечера.

И всякий раз, когда на одной стороне полыхала заря, а на другой, еще не выблекшей, мелко, как иголки, персмигивались светлые звезды, по небу начинали шарить прожекторы. Они поднимались то лиловые и узкие, как линейки, то широкие, расплывчато-голубоватые, и медленно передвигались из одного края неба на другой.

По вечерам Володя Шумов оставался один. Дядя, у которого он жил, обычно задерживался на работе, и мальчик коротал время, как ему хотелось. Он подогревал чайник, садился у окна и медленно тянул горячую воду. Из темной комнаты заря казалась особенно величественной и прекрасной. Мальчик отставлял недопитую кружку и задумывался о том, как странно началась для него эта весна и как далеко теперь его родители.

Его отец, мать и младший братишка еще зимой эвакуировались на Урал. Володя остался у дяди, потому что заболел и не мог выдержать такой далекий путь. Утром, наскоро позавтракав и простившись с дядей, он спешил в школу. Занятия шли довольно беспорядочно — класс наполовину пустовал. Ст утренних часов оставалось смешанное впечатление яркого солнца, затоптанных коридоров и сквозняков от выбитых стекол. И хотя учеба, несомненно, была самым важным событием дня, утренние часы как-то не запоминались.

Настоящая жизнь начиналась для Володи с той минуты, когда он возвращался домой. Он входил в пустую комнату и еще с порога кивал кровати, чайнику, железной печке: здравствуйте, граждане! Часы-ходики тикали на стене — они казались Володе живым, доброжелательным существом. Мальчику нравилось одиночество и молчаливое общение с вещами. Дядя всегда оставлял ему записку, в которой указывал, как и что приготовить к обеду. Мальчик долго и серьезно смотрел на горсточ-

ку пшена и пяток картофелин: он размышлял о том, можно ли усовершенствовать обыкновенный кулеш. Конечно, можно, только надо знать — как. В конце концов он сваливал пшено и картошки в одну кастрюлю и, посвистывая, начинал стряпню.

После обеда Володя брался за чтение. Дядин шкаф был сверху донизу набит книгами. Тут было много русских и западных классиков. Володя перебирал полку за полкой. За последние недели он прочел «Манон Леско», «Красное и черное», «Шагреновую кожу», «Песню о Гайавате» и множество других книг. Иногда от чтения рябило в глазах. Мальчик откладывал книгу и сидел не шевелясь, с опущенными веками. Все наплывало сразу — и дразнящая улыбка Манон, и гневно-прекрасное лицо Жюльена Сореля; это было невыразимо хорошо, но из-за прочитанного проглядывало нечто еще лучшее — его собственная жизнь. Она вся была впереди, но книги уже теперь наполняли ее сложным, волнующим содержанием. Володя открывал глаза. Кровать, печка, чайник выглядели как обычно, но у каждого предмета появлялось какое-то особенное многозначительное выражение. Вещи точно говорили: да, да, все впереди! Володя начинал раскачиваться на стуле, напевать; иногда он вскакивал на ноги и, охваченный странным, неизъяснимым настроением, декламировал из «Песни о Гайавате»:

Дай коры мне, о Береза!
Жёлтой дай коры, Береза!
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над потоком!

Когда заря из алой превращалась в темно-вишневую, Володя брал кусок фанеры, бумагу, карандаш и поднимался на чердак. Он пролезал через слуховое окно и карабкался вверх по крыше. Останавливался около трубы. Отсюда была видна добрая половина города. Улицы давно терялись в сумерках, но гребни крыш, пересекавшие зарю, рисовались отчетливо и резко. Володя клал фанеру на край трубы и устраивался поудобнее. Он давно хотел изобразить картину вечерней бомбежки. Надо было нарисовать пепельный закат, черные зубцы труб, свет прожекторов, пункты трассирующих пуль и столбы пожарищ в разных концах города. Днем рисовать было легче, но Володя хотел приблизиться

к натуре и поэтому всегда пользовался вечерними часами. Наверху было невыносимо холодно, — мальчик ежился, но терпел. Он нарочно, ради закалки, оставлял дома теплую куртку и фуражку. Город молчал, только в саду над рекой отчетливо шелкали соловьи. Володя сосредоточенно действовал карандашом. Трудная задача! Попробуй схватить этот капризный изгиб зари, опоясавшей городскую окраину, и посередине изгиба — тяжелый массив слободской церкви, которая хочет придавить низкие домики. Володя спешил, зная, что скоро ему помешают.

Помеха приходила всегда в одно и то же время. Со станции вдруг доносился глухой протяжный рев — гудок паровозного депо. К нему присоединялись городские гудки. Они сливались в один сплошной вопль и плыли над городом, потрясая воздух. Там и сям начинали торопливо хлопать двери, калитки; с соседнего двора всякий раз долетал взволнованный девичий голос:

— Мама, скорей!

На небе сразу появлялся десяток светлых подвижных столбов. Володя закусывал губы. Он слышал нараставший рокот моторов, но не отходил от трубы. Еще рано: прежде надо схватить эти колючие огоньки, которые, как лягушки, прыгают по всему небу. А зенитки уже били непрерывно, осколки стучали по крышам. Володя оставлял рисунок на трубе и спускался вниз, бормоча под нос:

— Это просто неприлично — заводить бомбежку в такое время...

Он прятался под навесом возле слухового окна и сидел здесь, ожидая, когда кончится первый залет. Самолеты всегда разворачивались над этой частью города, но их груз обычно сваливался на железнодорожный узел. После залета наступала пауза. Высоко поднимались огни пожарищ. Казалось, что даже здесь, за три километра, слышен треск пылающего дерева, грохот железных листов, звон стекла. Володя выбирался из-под своего прикрытия и снова лез наверх.

При огнях рисовать было легко и удобно. Заря уходила на задний план, она теперь казалась тусклой и не приметной. Огни дрожали, шевелились, и вместе с ними шевелился весь город. Вот пламя метнулось ввысь, и дома с их заборами, садами и палисадниками как бы

прыгнули вперед; пламя упало — дома послушно отодвинулись в темноту. После залета Володя всегда видел на соседнем дворе девушку пятнадцати-шестнадцати лет. Она стояла на дощатой крыше невысокого деревянного сарайчика и осматривалась по сторонам. До нее было не больше десяти метров, и Володя различал каждую черту девичьего лица. Это лицо выражало озорство, смешанное с боязнью. Девушка вытягивала шею, поднималась на цыпочки и, вся освещенная дрожащими огнями, казалось, сама была готова вспыхнуть, испепелиться и улететь...

В глубине соседского двора раздавался испуганный женский шёпот:

— Слезь, Валя, опасно. Сейчас опять придут.

— Ничего, я соскочу. Смотри, сколько пожаров. Боже мой, где же это горит? Это, наверное, около элеватора. Пламя-то, пламя какое! Ай!..

И, отчаянно взвизгнув, девушка соскакивала на землю. Опять нарастал рокот моторов, и все повторялось сначала. Во время второй паузы девушка появлялась на прежнем месте. Она становилась на самый край крыши и крепко стискивала руки — вся ожидание, любопытство и боязнь. Мать звала ее вниз — девушка даже не поворачивала головы. Иногда, продрогнув, она принималась одергивать вокруг коленей свое короткое платьице. Девушка хорошо видела Володю. Она часто поглядывала на соседа, и в ее любопытствующих глазах был виден откровенный вопрос: что ты там делаешь? Володя обычно отвечал ей пустым, ничего не выражающим взглядом. Девушка вскидывала голову и с показным равнодушием отвертывалась в сторону.

— Валя, слезай скорей, нельзя там стоять, — слышался шёпот.

— Не бойся, мама, ничего не будет. А пламя все сильнее — просто ужас. Теперь загорелось около известкового завода. Но, по-моему, одного сегодня сбили... Ай, мама!

Девушка снова соскакивала на землю. Так повторялось три или четыре раза. Когда налет прекращался, Володя забирал рисунок и слезал вниз. Он завешивал окна, ужинал остатками кулеша и брался за книги. Читал до поздней ночи и, когда ложился в постель, то еще долго размышлял о прочитанном, о своем рисунке, обо

всем, что случилось за день. И до последней минуты его бодрствования, проникая сквозь неплотно прикрытую форточку, в комнату доносилось самозабвенное шелканье соловьев.

Как-то днем к Володе зашел старик сосед — квартальный уполномоченный.

— Молодой человек, — сказал квартальный, — по всей улице установлено ночное дежурство. Почему жильцы вашей квартиры не соблюдают свою очередь?

— Дядя в ночное время бывает на работе, — ответил Володя.

— Ну, раз нет дяди, то нужно вам.

— А что должен делать дежурный? — любопытно спросил мальчик.

— Следить за порядком. Например, если начнется воздушная тревога — оповестить население.

— Чего же оповещать, когда и без того все слышат гудки?

— Такой порядок. Время военное. Да вы не бойтесь, скучно не будет. Дежурят по два человека на квартал. Что вы скажете насчет сегодняшнего дежурства?

— Если нужно — отдежурю, — ответил Володя.

В девять часов вечера он надел ватную куртку, взял толстую дядину палку и вышел на улицу. Было тихо и холодно. Заря померкла, только в одном месте между домами светилось желтоватое пятно. Володя постоял около калитки и побрел по переулку. Палка мягко постукивала о тротуар. Из садов резко и сильно пахло свежей листвой. Деревья точно творили впотьмах какую-то напряженную работу. Весенние холода задержали цветение сиреней, черемух, яблонь, и теперь они с нетерпением ждали своего часа, чтобы сразу одеться в белые и розовые одежды. Володя дошел до конца квартала, постоял, прислушиваясь к ночным шорохам, и направился обратно.

Посередине квартала он увидел, что ему навстречу движется темная, неясная фигура.

— Кто идет? — крикнул мальчик, и в ответ ему послышалось:

— Кто идет?

Они сошлись против Володиного дома. Сначала мальчику показалось, что перед ним стоит пожилая женщина, но, заглянув под большой теплый платок, он

увидел живые, смеющиеся глаза. Это была девушка с соседского двора.

— А, это вы? — протяжно сказала девушка. — То же дежурите?

— Да.

— Вот хорошо. А я уже думала, что мне достанется в компанию какая-нибудь старушка. Ну, как мы с вами распределим роли?

— Очень просто, — ответил Володя. — Вы будете ходить по ту сторону квартала, а я по эту.

— Значит, вы пойдете направо, а я налево?

— Да.

Девушка хотела сказать что-то еще, но Володя отвернулся и пошел прочь. Она постояла в раздумье и побрела в противоположную сторону. Мальчик обошел свой участок, посидел на камушке и отправился назад. Здесь он снова увидел девушку.

— Это вы? — спросила она жалобно и нетерпеливо. — Что так долго? Я уже соскучилась. Холодно здесь как-то и одиноко. Знаете что, зачем нам ходить порознь? Давайте ходить вместе.

— Так не полагается, — ответил Володя.

— Почему? Вы что — избегаете общества?

Володя нахмурился. Постоянное одиночество и общение с книгами приучили его выражать свои мысли несколько уклончиво и отвлеченно. Он ответил, слегка поджав губы:

— Чтобы не говорить ничего другого, скажу, что все это сущие пустяки.

Девушка рассмеялась.

— Какой тон у вас! Чтобы не говорить другого... Станный вы...

Смех обезоружил Володю. Он смягчился. Девушка, недолго думая, протянула ему руку.

— Меня зовут Валя.

— А меня Володя.

Они пошли рядом. На тротуаре было тесно, и девушка перетянула его на дорогу. Мягкая, густая пыль, покрывавшая мостовую, скрадывала стук палки. Стало еще темнее; дома, заборы, сады слились в одно бесформенное пятно. Володе продолжало казаться, что деревья, укрытые заборами, совершают какую-то таинственную ночную работу. Сады распространяли волны

острой, колючей свежести, и каждая волна состояла из отдельных струек, наделенных своим отличительным запахом. Вот потянуло горьким соком, вот — жирной, рыхлой землей. Что творилось там, за черными заборами? Володя смотрел и думал, что сейчас под деревьями, среди сырых корней копошатся, пробиваясь вверх, тонкие иголки молодой травы, разворачиваются желтые и синие звездочки безвестных весенних цветов, бутоны сирени, натужась, силятся раздвинуть стенки своих темниц.

— Ну, сегодня бомбежки не будет, — говорила Валя. — Раз не налетели до десяти часов, то позднее уже не прилетят. А какой ужас эти бомбежки. Все свистит, воеет, рушится, горит. Иногда такая возьмет злоба — так, кажется, и разорвала бы их своими руками. А помочь нельзя. Побежала бы тушить пожары, да разве добежишь? И ходить-то в это время не позволяют. Так и мучаешься. Я не люблю прятаться в погребе, а вы?

— Когда как, иногда и прячусь, — ответил Володя.

— Я тоже иногда. Вот моя мама — та почти не выходит из убежища. Я живу с мамой, а вы?

— Я — с дядей.

— Наверное, недавно?

— С этой зимы.

— То-то я вас раньше никогда не замечала. А чем вы занимаетесь?

— Готовлюсь к переходу в восьмой класс.

— В восьмой? Вот интересно! Я тоже кончаю седьмой класс. Но я испытаний не боюсь, у меня — полный порядок.

Валя говорила, говорила, перебрасываясь с одного предмета на другой; к удивлению Володи, она за десять минут узнала все, что ее интересовало. Затем девушка принялась рассказывать о себе, о своей матери, о школьных подругах.

Они дошли до угла и остановились на перекрестке. Город молчал, точно в нем прекратилась вся жизнь.

— Какая ночь, — мечтательно проговорила Валя, — какая необыкновенная тишина! Подумать только: когда-нибудь это будет постоянно. Но, знаете, когда я думаю об этом, мне становится жаль наших тревожных ночей. Так и хочется сохранить их в памяти. Не такие ночи, как нынешняя, не соловьиные, а бурные — с гуд-

ками, зенитками, пожарами. Понимаете? Вот есть фотография, цветное кино, но это не то... Хочется, чтобы все было как живое. Сделать такой запоминающий аппарат, понимаете, и когда захочешь—пускать его в ход. Нажмешь кнопку, и все перед тобой: этот кусочек города, крыши, хорошо бы свет зари, а в небе — огни, вспышки. И не только видеть, но чтобы и слышать все — свист, грохот и, главное, чтобы было настроение... Понимаете? Все, все, как есть, чтобы трясло душу. И пустить этот аппарат когда-нибудь лет через двадцать или тридцать, когда будешь старушкой, стоять перед ним и все переживать. Вот это будет воспоминание! А то все пройдет, и уже сама не поверишь тому, что это было...

Володя внимательно выслушал ее.

— Интересная мысль, — сказал он. — Мне тоже приходило в голову, что хорошо бы записать на пластинку все это — приближение самолетов, грохот зениток, свист первой бомбы...

— Да нет, не так вы меня поняли. Тут не пластинка, а настроение. Понимаете? Ну, чтобы все было въявь, как в жизни. Будто я стою на крыше, а кругом меня весь город, и все видно, и даже можно ощупывать руками. Ну, словом, тут и объем, и звук, и цвет...

От досады, что ей плохо поддается нужная мысль, Валя даже прищелкнула пальцами. Володя вспомнил про свой незаконченный рисунок, на котором также должно было отразиться настроение, и слова девушки вдруг показались ему такими понятными и знакомыми, будто он сам их произнес.

А соловьи все шелкали и, слушая их, Валя потянула мальчика куда-то прочь от угла. Она прижалась к своему спутнику, слегка охватив его руку теплыми маленькими пальцами.

— Куда мы идем? — спросил Володя.

— Поближе к соловьям.

— А дежурство?

— Ничего, тут всего один квартал. Если мы услышим самолеты, то моментально прибежим. Да и не будет их сегодня, уж поверьте.

Володя молча согласился. Они пересекли дорогу, спустились вниз и вышли к мостику над узким пересохшим ручьем. До соловьиного сада оставалась какая-

нибуть сотня шагов. Здесь, на открытом месте, не занятом домами, было светлее, чем в тесном переулке. Свет падал от крупных звезд, усеявших все небо, на перилах мостика лежал слабый маслянистый отблеск. И все вокруг этого места — одинокий телефонный столб, старый пенёк, круглые голыши по берегам ручья — было примаслено этим тонким, как бы внутренним свечением, и каждый предмет выглядел отчетливо, сам по себе. Здесь особенно сильно чувствовалась загадочная, непонятная людям жизнь вещей; холодные и недвижные, они молчаливо смотрели на пришельцев и точно спрашивали: зачем вы сюда явились? Валя оперлась о перила и закинула голову вверх.

— Соловьи, соловьи... — сказала она.

— Соловьи гремят, — отозвался Володя.

— Который теперь час?

— Не знаю. Может быть, первый, а возможно, второй.

— Пойдемте поближе к саду.

Длинный низкий забор тянулся на десятки метров и в темноте казался бесконечным. Кое-где доски разошлись, и ветки свесились на тротуар. Они касались лица, как чьи-то сильные прохладные руки. Соловьиный хор звенел по всему саду. Начиналось в дальнем краю, перекидывалось на середину, подкатывало к самому забору и вдруг возвращалось на крайние куртины. Володя и его спутница медленно шли вдоль забора и думали о том, как хорош этот старый заброшенный сад. Еще несколько дней — и он весь забелеет, как пена; потом в глухих тенистых местах рассыплются желтые крестики куриной слепоты, стеной встанут крапива и разлапистые лопухи. А потом когда-нибудь пойдут дожди. Хорош сад и в эту пору. Низко тянутся облака; вечер — не вечер, но уже блекнут, смешиваются краски и мутные, оловянные тени ложатся на травы и листья. Хорошо в это время пройтись по траве, волоча за собою длинный след, постоять под деревом, слушая, как каплет с веток и как тихонько шуршат расправляющиеся листья.

Валя вдруг зябко вздрогнула.

— Однако холодно... Знаете, в эти дни я почему-то часто думаю о людях прошлого, о тех, которые могли спокойно гулять по таким вот садам и паркам. Вот я недавно читала про Татьяну Ларину. Конечно, она

была дворянка, но зато настоящая русская женщина. У нее был сильный характер и глубокая душа. И вот я думаю о том, как поступила бы Татьяна, живи она в наше время. Она не стала бы киснуть под бомбамч. Ганя пошла бы на фронт — медицинской сестрой или радисткой. Странно подумать, но Татьяна Ларина могла оказаться в партизанском отряде. Или Вера из гончаровского «Обрыва». Эта еще лучше. Вера могла бы заслужить звание Героя Советского Союза. Живи сейчас Таня и Вера, они показали бы всем, что такое женский героизм, верность, дружба... Даже Марфинька, сестра Веры, и та сейчас стала бы настоящим человеком. Конечно, она не могла бы пойти вместе с партизанами на диверсию, но могла бы, например, стирать белье партизанам...

Володя не видел лица своей спутницы, но угадывал по ее ломкому, звенящему голосу, как она взволнована своими словами. Волнение Вали передалось мальчику. Он что-то ответил девушке, та — ему, и завязался длинный, горячий разговор. Они ходили взад и вперед вдоль темного забора, не заботясь о том, который час, машинально отстраняли мешавшие им ветки и говорили, говорили.

А потом стало рассветать, звезды усилили свой блеск, но воздух, весь пронизанный их тонкими лучами, стал выцветать и блекнуть, как линючая материя. Все оставалось на своем месте, но все, как бы рождаясь вновь, медленно выступало из темноты — дома, телефонные столбы, лохматые головы деревьев. Это была еще не улица, а только призрак улицы. Наконец показался сад, густой, пышный, но еще тусклый и неживой. Под деревьями, как прибитые, висели клочки синеватого тумана. Но жизнь уже просилась сюда — она мягко румянила верхушки лозин, спускалась по заборам и скользила дальше — в глубину улицы и сада. Все ярче становился румянец, и вот всем миром сразу овладела торжествующая заря. Володя и Валя переглянулись и замолчали. Не говоря ни слова, они перебрались через забор, прошли по саду и остановились на берегу реки. Еще полноводная, не вернувшаяся в свои берега, река повторяла пламень зари. У воды чернели пласты ила, нанесенные половодьем, от них тянуло резкой сыростью. Володя и Валя стояли молча, держась за руки.

— Сколько теперь? — тихо спросила Валя.

— Наверное, около четырех.

— Пойдем назад?

— Пойдем.

Они медленно вернулись в свой переулок и разошлись по домам. Стало совсем светло. Володя осторожно, стараясь не разбудить дядю, разобрал постель, разделся и скользнул под одеяло. Но уснуть ему удалось не сразу. Он все время видел Валию и мысленно повторял разговор с нею. Умный разговор! Мальчик бессознательно счастливо улыбнулся. Хорошо все это — весна, встреча с соседкой, книги... Но вот его голова стала пустеть, затуманиваться, в ослабевшем сознании в последний раз промелькнуло Валино лицо, слегка освещенное зарей. Володя уснул...

На другой день, пообедав, мальчик вышел за калитку. Он убеждал себя, что идет без всякой цели, но в глубине души отлично сознавал, что хочет видеть соседку. И он действительно увидел Валию.

На утоптанной площадке против соседского дома стояли четыре бойца. Это были зенитчики, которые уже несколько дней жили в переулке. Один из них играл на баяне, а другой, стоя перед Валией, уговаривал ее танцевать. Девушка отчаянно хохотала и отмахивалась обеими руками.

— Да не могу я, не умею, чего пристали... — говорила она сквозь смех.

— Нельзя отказываться. Ваня, дай старинный русский вальс «Дунайские волны».

— Говорю вам, что не умею...

Володя пристально смотрел на Валию. Точно почувствовав этот взгляд, она на мгновение повернулась к мальчику и скользнула по нём глазами. Только скользнула — бегло, рассеянно — и в следующую секунду подала руку зенитчику.

Володя прижался к воротам. Его уже не интересовала улица, но уйти он почему-то не мог. А баян гремел. Другой боец подхватил товарища и уже две пары закружились на площадке. Валя танцевала легко и стремительно, будто хотела оторваться от земли, на ее лице все время было озорное и, как казалось Володе, вызывающее выражение. Она уже ни разу не взглянула на мальчика.

Володя повернулся и ушел с улицы.

Дома он плотно прихлопнул форточку, чтобы не слышать баяна, и лег на кровать с книгой в руках. Лежал полтора или два часа. Однако читалось плохо. Глаза бегали по строкам, но смысл прочитанного как-то ускользал. В конце концов книгу пришлось отложить. «Вы злитесь, синьор, вам обидно? — спросил у себя Володя. — Но скажите, пожалуйста, почему вы должны обижаться на каждую случайную знакомую? Пусть она делает все, что хочет». Философия не помогла. Володя продолжал видеть Валю и слышать ее взволнованный, ломкий голос. Мальчик насильственно усмехнулся. «Героизм, дружба, верность... — перебирал он слова девушки, — все это вычитанные, чужие фразы».

В комнате, которая не топилась почти всю зиму, было очень сыро, и Володя сильно озяб. Он вскочил на ноги и, взявшись за спинку кровати, начал приплясывать на одном месте. Это не помогло, и он выскочил в сени, где был устроен самодельный турник. Володя подтянулся и сделал ласточку. Это его согрело и успокоило.

Два дня не было тревоги, и все это время Володя провалялся на кровати. Он прочел еще кучу книг. На третий день он достал свой рисунок, внимательно осмотрел его и сказал:

— Ну, за работу!

Рисунок вчерне был уже готов. На нем было все: и заря, и контуры крыш, и столбы пожарищ в разных концах города. Не хватало окончательной отделки. Володя решил еще раз залезть на крышу, присмотреться ко всем цветам и оттенкам вечерней улицы и точно определить, во что окрашены заря, дома, деревья, мечи прожекторов. После этого оставалось составить краски и уже при дневном свете, в комнате, доделать рисунок.

Дождавшись урочного часа, Володя забрался на свой наблюдательный пункт. Прожекторы уже бродили по небу. В их движениях чувствовалась какая-то повышенная нервозность. Володя не обратил на это внимания. Он крепко сжимал карандаш и внимательным, строгим взглядом осматривал окрестность. «Среднее между кирпичным и коричневым», — сказал он про зарю и записал это на клочке бумаги. «Угольно-черное», — говорил он, приглядываясь к неподвижным верхушкам

садов. Мальчик так увлекся своим занятием, что не думал ни о чем другом, кроме оранжевых, лимонных, сиреневых оттенков. Но вот при одной особенно сильной вспышке прожекторов его глаза случайно повернулись в сторону соседского двора. Он увидел Валю. Она, как обычно, стояла на крыше дровяного сарайчика и смотрела прямо на него.

— Здравствуйте, Володя! — весело крикнула девушка.

Мальчик не ответил и отвернулся. Валя обиженно вскинула подбородок и стала к нему спиной.

А прожекторы все бродили и бродили по небу. Они что-то нащупывали, выслеживали, искали. Тревогой был наполнен весь город, молчаливые дворы, сумеречный воздух. Наконец это передалось мальчику. Он посмотрел на небо, прислушался. «Наверное, скоро будет большой налет», — подумал он. Как бы подтверждая эту мысль, на станции возник глухой, утробный рев. Город подхватил его, и все кругом вдруг завывало и застонало на разные голоса.

«Ну, началось», — с досадой подумал Володя.

Совсем близко хлопнула зенитка. Из-за большого сада над рекой откликнулась другая. Кольцо выстрелов обежало весь город. Переулки, сады, далекие окраины ошетинились огнем. Скоро послышался рокот моторов. Сегодня он был ближе и отчетливей, чем обычно, казалось, что самолеты снижаются к самым крышам. Очевидно, они изменили свою всегдашнюю тактику. Рокот перешел в стон, скрежет, над головой мелькнула черная тень. Не успел Володя осмыслить происходящее, как послышался новый звук — тонкий, свистящий, и что-то длинной полосой понеслось вниз. За два-три квартала от того места, где находился Володя, вырос огромный, хорошо видный при заре султан черной пыли, упругая волна воздуха толкнула мальчика и притиснула к трубе. Снова свистнуло над головой, и черные султаны стали подниматься справа и слева — со всех сторон. «Бьют по городу, по центру...» — подумал Володя, пригибаясь к трубе. Он услышал пронзительный крик. На крыше дровяного сарайчика металось и трепетало что-то белое. Володя скорее угадал, чем рассмотрел лицо соседки — неузнаваемое, искаженное страхом и отчаянием.

— Володя, слезайте, слезайте! — крикнула Валя, прыгивая на землю.

Острый, шипящий кусок металла врезался в крышу у ног Володи. С трубы упал и покатился вниз обломок кирпича. Все кругом шаталось, как хмельное. Мальчик прижал к груди фанеру и бумагу. «Ничего не выйдет», — сказал он, сползая по гребню крыши. Он забросил рисунок в слуховое окно и, пробежав по чердаку, прыгнул в сени.

Стены сеней ежеминутно освещались, как во время сильной грозы. Володя растянулся на дощатом полу, под прикрытием порога, и взглянул вверх. По небу плыли красные нити трассирующих пуль. Воздушная волна трепала волосы, мешала дышать. В сени летели тучи песка и мелких камушков. Один камень больно оцарапал Володе щеку. «Ничего не выйдет, ничего не выйдет...» — сказал мальчик, уже не зная, зачем он это говорит. По крыше с грохотом покатались кирпичи — обвалилась труба. Мальчик подполз к двери, ведущей в дом. Нет, в комнате еще хуже: в случае попадания придавит, как крысу. Надежнее всего погреб. Мальчик вскочил на ноги и, пригибаясь, выбежал из сеней.

Погреб уходил глубоко под землю. Он был сложен из крепких камней. Володя нащупал глубокую нишу, где всегда стояли пустые бутылки, и сел на холодный подоконник. Теперь оставалось одно — ждать. В погребе было темно, но сквозь дверные щели то и дело мелькал красный свет. Наверху все ходило ходуном. Мальчик отчетливо слышал рев моторов и угадывал направление залета. Вот самолеты ушли куда-то в сторону, вот развернулись и стали приближаться вновь. «Р-р-р, р-р-р...» — содрогалась земля; с потолка все время сыпались комочки земли. «У-ух!..» — трахнуло где-то совсем рядом, и дверь вся задрезжалась и напруглась на крючке. Мальчик крепко стиснул руки. «Ничего не выйдет, ничего не выйдет...» — повторил он машинально. Самолеты опять ушли.

«Не думать о страшном, — говорил себе Володя, — лучше вспоминать о чем-нибудь хорошем, например о родителях, о братишке. Что они теперь делают? А дядя?» Мальчика охватило чувство острой жалости. Бедный дядя, наверное, беспокоится о нем, а самому приходится не лучше. Самолеты стали приближаться.

«р-р-р...» — грохнуло, как обвал, и дверь, сорвав крючок, распахнулась настежь. «Р-р-р...» — зазвенело в голове, и перед глазами Володи всплыло ослепительно сверкающее зеленое солнце. Что-то тяжелое, нависая сверху, вытолкнуло его из ниши и, уже бесчувственного, повалило на пол.

Володя никогда не узнал, сколько времени он лежал без сознания. Очнувшись, он долго не мог понять, что с ним произошло. Пошарил вокруг себя — пальцы нащупали опрокинутую кадушку, кучку проросшего картофеля. В нескольких сантиметрах от головы лежал большой четырехугольный камень. Постепенно к мальчику вернулась память. Ага, стало быть, бомба разорвалась над погребом, и его едва не придавил этот камень, упавший из ниши. Но что случилось наверху, цел ли дом? Целы ли соседские дома и не пострадал ли кто из жителей переулка?

«А Валя?» — вдруг вспомнил мальчик.

Он вскочил, как подкинутый пружиной. В голове гудело, ноги дрожали и подгибались. Цепляясь за стенку, он кое-как выбрался из подвала. Дальнейший путь был прегражден. Ступеньки, ведущие наверх, были завалены кирпичами, рухнувшими балками, железными листами. Володя попробовал разобрать эту кучу и сразу обессилел. Закусив губы, он потянул к себе одну доску. В образовавшемся отверстии показались звезды. Мальчик приободрился. Быстрей, быстрей, как можно быстрей!

— Володя, это вы? — послышалось наверху.

Спрашивала Валя. Мальчик рванул другую доску и отверстие стало еще шире.

— Это вы, Володя?.. — повторил дрожащий голос.

— Я.

— Ну, слава богу! Вы не спешите, мне сверху удобней...

Валя быстро разобрала доски, и через минуту Володя выбрался наверх. Девушка стояла перед ним в белой ночной кофточке, с ломом в руках, смотрела на него и не то смеялась, не то плакала.

— Ну, вот... хорошо. А я уж думала...

Володя, ослабев, прислонился к стене.

— Вы как сюда попали, Валя?

— Вас искала. Ведь бомба ахнула как раз на ваш

двор. Когда стало тихо, я выскочила наверх и побежала искать. Побывала в вашей квартире, там ни души. Ну, думаю, он, наверное, в погребе...

У входа в погреб чернела глубокая воронка. Забор, разъединявший соседские дворы, повалился набок, земля была усеяна битым стеклом, щепками, камнями. Темнота придавала всему этому дикий, неправдоподобный вид.

— Вот какая чушка сюда свалилась,—сказала Валя.

Володя подумал, что следовало бы войти в дом, осмотреть комнату, и сразу забыл об этом. Он взял девушку за руку и они вышли за калитку. Было холодно, ярко сверкали звезды. Город затих, успокоился. Пыль давно улеглась, и в переулке снова пахло свежей зеленыю. Из большого сада над рекой отчетливо доносилось самозабвенное шелканье соловьев.